

Лимонченко В. В.

доктор философских наук, профессор кафедры философии им. профессора Валерия Григорьевича Скотного, Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко (Украина, Дрогобыч), volim_s@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ДЕТСТВА

В центре внимания – детство в качестве особого феномена человеческого бытия, когда оно предстаёт в качестве принципа человеческой жизни. В реально действующих формах отношения к детям преобладает дидактическое менторство, не выходящее за пределы самоценности детства. Но возможен иной образ ребенка. Речь идет о таком содержании детства, которое может быть названо философским аспектом детства. Дети являют собой меру человеческого бытия – вхождение в состояние детскости принадлежит высшим состояниям, т.е. детство задаёт тот горизонт, в котором конституируется человек. Смысл тезиса о чуждости современной цивилизации и детства можно выявить через евангельское понимание детства. В Евангелии детство предстает как будущее состояние и в этом детство сродни юродству. Состояние детства и юродства – это особая чувствительность к правде. Возникает параллель между юродством и детством в аспекте актуальной собранности в настоящем, когда исчезает расчет, но зато есть непосредственная радость от вхождения в измерение не от мира сего. Такое состояние предельной актуализации указывает на недопустимость склонять небесное перед земным и действовать так, как в основном действует современный мир – прежде всего благосостояние и благополучие (деньги и здоровье), а остальное все приложится. Вот та точка, в которой современная цивилизация отчуждена от Евангелия, что устраняется в состоянии юродства и детства, которые задают предельную меру христианину.

Ключевые слова: детство, юродство, открытость, свобода.

(статья друкується мовою оригіналу)

Трудно представить более существенную проблему человеческой жизни, чем нахождение и утверждение истинных форм детства, что предполагает отнюдь не эмпирическое отношение к феномену детства. Подход к детству как периоду доминирования “эмпирии”, как периоду жизни, когда освоение происходит через осязание, облизывание не позволяет увидеть в детстве сущностное и главное, а именно – то, что детство предстает идеальным прототипом человеческой жизни. Есть более существенные основания видеть детство своеобразным теоретическим принципом, образцовой для взрослых ситуацией, что позволяет рассматривать детство в качестве порождающей человеческую жизнь “теоретической” деятельности. Правда, не в обыденно-научном словарно-энциклопедическом смысле, а как такой феномен, что задаёт парадигму и предстает всеобщим основанием всех дальнейших форм, т.е. рассматривать детство как эсхатологическую реальность. Это возможно при условии евангельского понимания детства.

Феномен детства освещен в трудах педагогических (В. Зеньковский, В. Сухомлинский, К. Ушинский, Ф. Фребель, С. Соловейчик), психологических, особенно тяготеющих к психоанализу (Л. Выготский, Д. Эльконин, Л. Демоз, Э. Эриксон, Ж. Лакан), историко-этнографических (М. Мид, И. Кон, Ф. Ариес). Обстоятельный материал по специфике детства обнаруживается в детской литературе и литературе о детях – Л. Толстой, К. Л. Льюис, Дж. Р. Р. Толкиен. На идеи данной статьи значительное влияние имеет творчество Ф. Достоевского, которое содержит пронзительную боль и тревогу за детей; причем дети и детскость взрослых в улыбках, выражениях лица, ощущениях встречаются очень часто в его романах.

Цель статьи – рассмотреть детство в качестве особого феномена человеческого бытия. Детство

осмысляется в аспекте обретения человеком открытости и свободы, т.е. реализуется видение его в качестве исходного принципа человеческой жизни.

Дети и христианство – очень привычное и не парадоксальное сочетание. Место и роль детства в Библии – широкая и многомерная тема. Появляются дети после грехопадения – этот факт можно понимать натурально-естественно, но сразу же обнаруживается и иное измерение. Какой смысл явлен нам в детях: наказание за грех (как первоуродный, так и плотские улады), естеством обусловленное продолжение рода или благодатный дар Неба среди земного существования? Ф. Достоевский утверждает однозначно: “Всё, что остаётся нам от рая, – это детский смех и пение птиц” и есть все основания видеть в его словах не просто метафору, но выражение роли детства как особенного состояния духа. Первое, что фиксируем сразу, это настойчиво и последовательно проводимое в Священном Писании противопоставление: Бог для человека не просто Вседержитель, Господь, но Отец наш Небесный, человек усыновлен Богом, он наследует Ему – но не по естеству, самопроизвольно-безлично, а “свободно избранным сыном свободно избранных родителей”. Связка “рождение-творение-усыновление” чрезвычайно значима для Божественного домостроительства (а значит, и для антропологии). Следующий момент обусловлен диалогичной открытостью Бога своему дитяти, – раскрытие ипостасей Троицы в системе отношений Отец-Сын, по своей глубине это настолько сложная тема, что к ней страшно и подступиться. Если названные два аспекта еще могут пониматься в духе метафорического символизма (что, на мой взгляд, редуцирует библейские смыслы), то евангельская речь, касающаяся детства, явственно реальна и конкретна.

В естественном (а можно и секулярном, или даже языческом) порядке жизни дети и детство связаны с прошлым, что и предопределяет аспект значимости детства с этих позиций. *Все мы родом из детства* – это широкоизвестное выражение Сент-Экзюпери гораздо глубже смысла определительной причинности, фиксируемой с естественных оснований, но именно эта роль детства осмыслена и задействована больше всего в современном мире. То, что взрослый несет в себе ребенка, выполняющего детерминирующе-причиняющую функцию по отношению к образу жизни, языку, привычкам, поступкам взрослого, – бесспорно, но необходимо многообразное осмысление зависимости взрослого от его детства, имеющиеся исследования по этой теме порой тяготеют к натуралистической однозначности. Так, фрейдистские вариации на тему детства достаточно часто имеют явно односторонний, урезанный характер, хотя нельзя не отметить благотворную роль психоанализа в решении многих проблем и детей и взрослых. Вызывает сомнение и подход к детству современной педагогики. Речь идет не о книгах, которые очень различны и по цели, и по стилю, и по значимости, но о реально действующих формах отношения к детям [7], в котором преобладает дидактическое менторство, не выходящее за пределы самоценности детства. Но возможен образ ребенка как равного в правах с взрослыми, как целостного и самоценного

человека. Это – открытие XX века, хотя такая ипостась, такой лик детства просвечивает во всей человеческой истории. Речь идет не о новом, универсальном подходе к детям, снимающем социокультурный контекст развития и ставящем детство вне исторических форм его осуществления. Речь идет о таком содержании детства, которое по своей сути может быть названо философским аспектом детства.

Хорошо известна значимость детства в развитии индивида. Точное количественное выражение составляющей детского возраста в способностях взрослого человека приводится разное, но несомненно, что детство каждого человека закладывает ту основу, которая в дальнейшем разворачивается, эксплицируется. Более того, мерой возможностей человека может выступать детство – поскольку оно представляет собой предельную открытость. И тогда отношение переворачивается: не взрослые лепят и формируют детей, а детство, как вновь рожденная душа, определяет человека. Взрослые играют роль не формообразующего фактора, а лишь условия развития. А потому и цель следует ставить не изменения ребенка путем влияния на него как на еще только будущего человека, а лишь как изменения условий, влияния на условия жизни этого человека. Что происходит в детстве и как рождается душа, которая жаждет любви и ласки, – невозможно расписать рецептурно-методически. Чудо произнесения первого слова, и даже ранее – чудо первой встречи взгляда, осмысленность которого не столько предметная нужда, сколько бытийственная обращенность, – равносильно и равнозначно творению мира. Когда еще нет слов, нет поступков и даже деяний – но человек есть, вернее – присутствует. “Назовем существо человека присутствием. Вещи существуют. Животные живут. Человек существует как вещь, живет как живое существо, присутствует как может присутствовать только человек и все человеческое” [2, с. 24]. Поскольку существо человека – присутствие, новорожденное дитя (и даже еще не рожденное) полноценно присутствует в мире.

Именно такое содержание детства интересно, близко и даже поучительно для философии, ибо детство, как ничто другое в человеческой жизни и в человеческом мире, есть по сути своей первоисток и первооснова – философия же сама как некоторое знание и стремление есть поиск оснований, первопричин и первоистоков, архе. Детство во всей своей конкретной полноте есть вечно неготовое, незавершенное произрастание, которому предстоит осуществиться, и потому как чистая потенциальность, всевозможность совпадает со свободой. Как раз в этом и коренится главная проблема и мука детства: по своей сути, природе, форме оно есть “потенциальность, мочь стать тем, что оно еще не есть, а именно это мы называем свободой” [10, с. 254], и в то же время по своей наличной форме оно рабски стиснуто как неистовостью физических влечений, так и характером, нравом, образом жизни окружающих людей.

Дети являют собой меру человеческого бытия, бытия как такового – вхождение в состояние детскости принадлежит высшим состояниям: если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (Мф

18:3), вечность – играющее дитя [9, с. 242], т.е. детство задаёт тот горизонт, в котором конституируется человек.

Доминирующим качеством современного мира можно назвать принципиальную чуждость его детству. Данный тезис требует отдельного и тщательного обоснования, что выходит за границы нашей темы, но некоторые краткие объяснения необходимы. Во-первых, на поверхности лежит социально-экономический аспект – и превышение смертности над рождаемостью в европейском регионе, происходящее никак не по причинам неразвитости экономической базы; и огромное количество или бездомных детей-бродяжек или неполноценного, несознательного родительства. Во-вторых, характерный для современности подход к детству с позиций взрослого – дети находятся во власти взрослого мира и в материальном, и в духовном смысле, и если первый выражается в пренебрежении запросами и интересами детей, то второй оборачивается невиданным насилием по отношению к детям, что наиболее губительно именно в духовной сфере. Проблема насилия по отношению к детству (не только детям, но детскости как таковой) сегодня стоит очень остро.

Взрослые не могут не устраивать детский мир по своему образу и подобию, значит дело, в конечном счете, в том образе и подобии, который взрослые несут в себе. И здесь высвечивается наиболее важный смысл тезиса о чуждости современной цивилизации и детства, который можно выявить через евангельское понимание детства и, значит, чуждость современной цивилизации детству оборачивается чуждостью ее Евангелию. Первое, что видимо сразу: если в естественном порядке детство принадлежит прошлому и поэтому не может не быть оставлено позади как подготовка к взрослой жизни, то в Евангелии оно предстает как завещанное будущее состояние. Если для З. Фрейда человек является жертвой своего детства, которое тянет его назад [5, с. 23], то слова Христа имеют противоположный смысл: *таковых есть Царство Небесное* (Мтф 19:13) – детство есть дар и путь. Интересно отметить, что парадигмальная заповеданность детства как блаженного состояния известна современному миру, но чаще всего внерелигиозное уподобление детству обретает формы инфантильности или педократии [4]. Очень убедительно толкование Блаженного Феофилакта архиепископа Болгарского, обращающего внимание на незлобие детей, их бескорыстную любовь к родителям и связывающего это с принятием проповеди Божественной как дитя, то есть, нисколько не раздумывая и не допуская в себе неверия [3]. Бесспорно рассмотрение детства как ситуации непосредственной близости какой-то главной мудрости, еще погруженной в безмолвие [6, с. 60], о которой наиболее выразительно свидетельство поэзии (и шире – искусства): Владимир Зелинский приводит строки Р. М. Рильке – *по крайней мере в детстве что-то сверх былого за предметами скрывалось* – но можно вспомнить и М. Волошина, и О. Мандельштама, и М. Цветаеву, и множество поэтических и прозаических свидетельств *гениальности ребенка среди буднично взрослых людей*.

Интересное углубление и расширение понимания возникает при сопоставлении детства и юродства, причем это сопоставление снимает с феномена юродства конкретно-сросшиеся формы (“грязь и лохмотья” по В. Экземплярскому) и обнажает незамутненное, основание. Детство и юродство в равной мере чужды рассудочно-расчетливому уму взрослого, по правилам устроенного мира – что не означает отсутствие собственной для них логики, определенного рода связности внутри этих миров. Только на первый взгляд кажется, что мотивация в них построена по принципу от противного, наоборот от принятого. При аккуратном погружении (чтобы не деформировать своим присутствием) можно увидеть характерную качественность этих феноменов – особенную чувствительность к правде. Всестороннее и объемное рассмотрение вопроса в чем состоит правда – тема отдельного исследования, но некоторые замечания возможны. Достаточно часто слова “правда” и “истина” употребляются синонимично, хотя при различении возникают оттенки и нюансы: о правде речь идет тогда, когда истина предстает в реализации ее, в применении к конкретной жизненной позиции – правда говорит о мере вхождения в истину (потому возможны противопоставления “философская истина и интеллигентская правда”). Различение истины и правды явственно из такого словоупотребления: в науке говорят об истине и нелепо спрашивать о правде, в искусстве речь идет о правде, к нему неприменимо понятие истины. Для экспликации собственного содержания понятия “правда” очень продуктивно введение его в проблему различения добра и зла, что сделал С. Соловейчик. Главное основание правды – это различение добра и зла: “Правда не добро и не зло, а граница между ними, тонкая, как лезвие бритвы. Правда в том, что граница между добром и злом есть” [8, с. 232]. Самое ужасное состояние мира – когда *добро и зло, все стало тенью* (А. Пушкин), когда *доброму и злу внимают равнодушно* (М. Лермонтов). Самое опасное для духовного возрастания – состояние неверия в правду, вырастить ребенка без веры в правду и добро невозможно и вполне по-евангельски звучит вывод: “Самый опасный человек для детей не тот, кто дурно живет, а тот, кто считает, что и все люди дурно живут, что правды и вовсе нет на земле... У вас должен появиться ребенок? Обзаводитесь пеленками и верой в правду. Будем служить нашим детям верой и правдой, верой в правду” [8, с. 232].

Выводы. Итак, состояние детства и юродства – это особая чувствительность к правде: отсюда и бестактная бесцеремонная форма поведения без оглядки на то, как ты выглядишь, что от тебя ожидают, и откровенное высказывание утаиваемых воспитанными взрослыми смыслов (именно ребенку принадлежит критический вердикт “*а король-то голый!*”), и умение предельной актуализации эмоционально-волевой жизни, предполагающее самоценность настоящего. Очень знаменательно соединение в слове “настоящее” двух смыслов – неподдельно-истинное и актуально-действующее (в украинском языке эта двойственность видна более выпукло, поскольку возможен перевод слова “настоящее” и как “*теперішнє*” и как “*справжнє*”) – именно из их единения и рождается

мотивация поступков и юродивого, и детей, действующих по детскости, ведь хорошо известны варианты либо рано повзрослевших детей, либо мимикрии детей, угадывающих логику взрослых. Поступки по логике актуализированного настоящего выглядят бессмысленными и нелепыми с позиций рассудительной длительности и утилитарности, но именно в них явлено пренебрежение делами мирской заботы, в деянии предельного самозабвения очищается пространство мира для немирского, в богословии говорят о схождении Св. Духа. Серафим Саровский говорит, что необходимо упраздниться и тогда Дух Святой посетит и придет к нам в полноте Неизреченной своей благодати [1], поэтому человек должен искать дело (делаемое Христа ради, т.е. при полном упразднении, уничтожении, сведении себя на нет) для приобретения обильнейших даров Св. Духа. Возникает четкая параллель между юродством и детством в аспекте актуальной собранности в настоящем, во вневременной точке, когда исчезает длительная протяженность и счет (и расчет), не существует относительности “уже было” и “будет потом”, без чего нет мирской причинности – но зато есть ликующая радость от вхождения в измерение не от мира сего, есть претерпевание на себе и в себе обнаженности духа, состояние предельной актуализации, неподдельной взаправдашности, о котором в Евангелии сказано: *Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы* (Мтф 6:31–34). Слова Библии, приведенные пространно и целиком, без внимательного чтения могут звучать либо как пустое благое пожелание, либо как проповедь безответственности, но надо увидеть в них иерархию забот и потребностей – *ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам*, т.е. недопустимо склоняться небесное перед земным и действовать так, как в основном действует современный мир – прежде всего благосостояние и благополучие (деньги и здоровье), а остальное все приложится. Вот та точка, в которой современная цивилизация отчуждена от Евангелия, что и устраняется в состоянии юродства и детства, которые задают предельную меру христианину.

Список использованных источников

1. Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://serafim-library.btv.ru/PublikaciiSerafima/pub-beseda-ss-o-chr-jizni.html>
2. Библихин В. В. Мир / В. В. Библихин. – Томск: Водолей, 1995. – 144 с.
3. Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ostrog.spring-life.ru/tolkovnik_f/matf_19f.htm
4. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // С. Н. Булгаков Сочинения в двух томах. Том 2. Избранные статьи. – М.: Наука, 1993. – С.302–342. – (Приложение к журналу “Вопросы философии”).
5. Вдовина И. С. От переводчика / И. С. Вдовина // Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Академический проект, 2008. – С.5–36. – (Философские

технології).

6. Зелинский В. Несведущая мудрость детства / В. Зелинский // Свяц. Владимир Зелинский. Взыскуя лица Твоего. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2007. – С.59–67.

7. Лімонченко В. В. Феномен дитинства в світлі християнської антропології / В. В. Лімонченко // Філософська антропологія та сучасність (пам'яті В. Г. Табачковського). Філософсько-антропологічні студії 2008. – К.: Стило, 2008. – С.396–405.

8. Соловейчик С. Л. Педагогика для всех: Книга для будущих родителей / С. Л. Соловейчик. – М.: Детская литература, 1989. – 367 с.

9. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. – М.: Наука, 1989. – 576 с. – (Памятники философской мысли).

10. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С. Л. Франк // Сочинения / С. Л. Франк. – М.: Правда, 1990. – С.183–559. – (Приложение к журналу “Вопросы философии”).

References

1. Beseda prepodobnogo Serafima Sarovskogo o celi hristianskoj zhizni [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://serafim-library.btv.ru/PublikaciiSerafima/pub-beseda-ss-o-chr-jizni.html>

2. Bibihin V. V. Mir / V. V. Bibihin. – Tomsk: Vodolej, 1995. – 144 s.

3. Blazhennyj Feofilakt, arhiepiskop Bolgarskij Tolkovanie na Evangelie ot Matfeja [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.ostrog.spring-life.ru/tolkovnik_f/matf_19f.htm

4. Bulgakov S. N. Geroizm i podvizhnichestvo / S. N. Bulgakov // S. N. Bulgakov Sochinenija v dvuh tomah. Tom 2. Izbrannye stat'i. – М.: Nauka, 1993. – С.302–342. – (Prilozhenie k zhurnalu “Voprosy filosofii”).

5. Vdovina I. S. Ot perevodchika / I. S. Vdovina // Rikjor P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевitike. – М.: Akademicheskij projekt, 2008. – С.5–36. – (Filosofskie tehnologii).

6. Zelinskij V. Nesvedushaja mudrost' detstva / V. Zelinskij // Svjashh. Vladimir Zelinskij. Vзыскуя lica Tvoego. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2007. – С.59–67.

7. Limonchenko V. V. Fenomen dytynstva v svitli hrystyjans'koj antropologii' / V. V. Limonchenko // Filososf'ska antropologija ta suchasnist' (pam'jati V. G. Tabachkov'skogo). Filososf'sko-antropologichni studii 2008. – К.: Stylos, 2008. – С.396–405.

8. Solovejchik S. L. Pedagogika dlja vseh: Kniga dlja budushhих roditelej / S. L. Solovejchik. – М.: Detskaja literatura, 1989. – 367 s.

9. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Chast' 1. – М.: Nauka, 1989. – 576 s. – (Pamjatniki filosofskoj mysli).

10. Frank S. L. Nepostizhimoje. Ontologicheskoe vvvedenie v filosofiju religii / S. L. Frank // Sochinenija / S. L. Frank. – М.: Pravda, 1990. – С.183–559. – (Prilozhenie k zhurnalu “Voprosy filosofii”).

Limonchenko V. V., Doctor of Sc. (Philosophy), professor of department of philosophy named after professor Valerii Grigorievich Skotnyi of Drogobych state pedagogical university named after Ivan Frank (Ukraine, Drogobych), volim_s@mail.ru

Modern world and evagelic form of childhood

The center of attention is childhood as the special phenomenon of human being when it appears as the principle of human life. In the really acting forms of disposition to children prevails the didactic mentoring that doesn't see the value of childhood. But there is another image of the child. It refers to a content of childhood, which may be called the philosophical aspect of childhood. The children are a measure of human being – entering into the state of childishness belongs to higher states, i.e. childhood sets the horizon, in which the individual is constituted. The meaning of the thesis of the alienation of modern civilization and childhood can be identified through the evagelic understanding of childhood. In the Gospel the childhood appears as a future state, and this is where the childhood is similar to foolishness for Christ. The state of childhood and foolishness for Christ is a special sensitivity to truth. There is a parallel between the foolishness for Christ and childhood in terms of actual readiness in the present, when the calculation disappears, but there is a direct joy from entrance into the measurement not of this world. Such state of limiting actualization refers to the inadmissibility before declining heaven to earth and act in such a way as basically acts the modern world – especially the welfare and well-being (money and health), and all the rest will follow. That is the point at which the modern civilization is alienated from the Gospel that disappears in the state of foolishness for Christ and childhood, which set the limit measure for Christian.

Keywords: childhood, foolishness for Christ, sociability, freedom.

Лімонченко В. В., доктор філософських наук, професор кафедри філософії ім. професора Валерія Григоровича Скотного, Дрогобицький державний педагогічний університет ім. Івана Франка (Україна, Дрогобич), volim_s@mail.ru

Сучасний світ і євангельський образ дитинства

У центрі уваги – дитинство як особливий феномен людського буття, коли воно постає як принцип людського життя. В реально діючих формах ставлення до дітей переважає дидактичне менторство, що не бачить самоцінності дитинства. Але можливий інший образ дитини. Мова йде про такий зміст дитинства, яке може бути названо філософським аспектом дитинства. Діти являють собою міру людського буття – входження в стан дитячості належить вищим станам, тобто дитинство задає той горизонт, в якому конститується людина. Сенс тези про чужість сучасної цивілізації і дитинства можна виявити через євангельське розуміння дитинства. У Євангелії дитинство розглядається як майбутній стан і в цьому дитинство споріднене з юродством. Стан дитинства і юродства – це особлива чутливість до правди. Виникає паралель між юродством і дитинством в аспекті актуальною зібраності в сьогоденні, коли зникає розрахунок, але є безпосередня радість від входження у вимір не від світу цього. Такий стан граничної актуалізації вказує на неприпустимість схилити небесне перед земним і діяти так, як в основному діє сучасний світ – насамперед добробут і благополуччя (гроші і здоров'я), а решта все додається. Ось та точка, в якій сучасна цивілізація відчужена від Євангелія, що усувається в стані юродства і дитинства, які задають граничну міру християнству.

Ключові слова: дитинство, юродство, відкритість, свобода.

* * *

УДК 286.15

Чаплинський В. Г.
магістр релігієзнавства,
Національний університет “Острозька академія”
(Україна, Острог), vlad.chaplin@mail.ru

ПРО ДУХОВНЕ ЗРОСТАННЯ В ЦЕРКВАХ ЄВАНГЕЛЬСЬКИХ ХРИСТІАН І БАПТИСТІВ УКРАЇНИ

Проаналізоване поняття терміна духовність. Розкрито фактори, що впливають на духовний розвиток віруючих у церквах євангельських християн і баптистів. Розглянуто вплив духовного фактора на світогляд людей і як духовний потенціал церкви може змінити українське суспільство.

Духовний фактор відіграє важливу роль у суспільстві. Сучасність і майбутнє залежить від того, як буде реалізуватися духовний потенціал людини. Пізнання навколишнього середовища може характеризуватися як духовна діяльність.

Ключові слова: мораль, суспільство, потенціал, свідомість, духовність, культура

Мета роботи полягає у вивченні духовного фактора в житті церкви євангельських християн-баптистів. Необхідно визначити наскільки здатні продукти духовного потенціалу церкви мати суспільну цінність. Чи може церква взяти на себе відповідальність забезпечення духовного орієнтування людей.

Щоб бачити проблему духовного в житті людини, необхідно відзначити трансцендентні причини його прояву. У цьому граничному для людини питанні завжди буде існувати новизна. З духовністю зв'язана орієнтація людини в навколишньому світі, так і у світі власної душі. Духовність є пробудженням внутрішньої дійсності людського ества. Духовне залишається вище розумової і моральної свідомості. Наскільки ми наближаємося до поняття даних величин залежить і життя людини. У цьому полягає новизна дослідження даного питання.

Відзначено, що духовний потенціал церковних громад сприяє зміцненню довіри до людей, розвитку суспільних інститутів, а також становленню економічного росту, технічному прогресу і стримуванню корупції, високим стандартам цивільних і політичних воль.